

УДК 101.1

**К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ НОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ
ПРОЦЕССОВ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ***В.К. Падерин***Аннотация**

Статья посвящена рассмотрению новых социальных процессов, происходящих в российском обществе. Анализируются общественные преобразования, их своеобразие и социальные последствия. Обозначены возможные подходы к изучению многообразных и противоречивых социальных изменений, что особенно важно, поскольку от адекватности понимания их сути во многом зависит успешность действий по осуществлению общественной модернизации.

Ключевые слова: реальность, социальное пространство, атомизация, группизм, социальная солидарность, социальная мобильность, временное измерение социальных процессов, социально ожидаемые временные длительности, реально возможные временные протяженности.

Изучение социальных процессов, происходящих сегодня в российском обществе, имеет большое значение, как теоретическое, так и практическое. Адекватное их понимание – предпосылка успешности осуществления социальных действий по модернизации всех сторон жизни отечественного социума. Между тем в области изучения этих процессов царит хаос. Существует немало различных гипотез и так называемых экспертных оценок, больше похожих на экзотические домыслы. Связано это с целым рядом обстоятельств, среди которых можно назвать, например, отсутствие в научном пространстве качественного, а потому востребованного практиками интеллектуального продукта. Не последнюю роль играет и то, что фактически нет серьезной научной критики, которая, подобно берегам реки, выполняет ограничительную функцию. Река без берегов растекается и превращается в болото, в котором вряд ли может появиться что-то серьезное и инновационное.

Россия – страна регионов. Фактор регионализации также сказался на выявлении и изучении новых социальных процессов в масштабах социума. Больше изучались региональные социальные процессы. Однако между ними и социальными процессами существовали и существуют довольно ощутимые разрывы, требующие серьезного осмысления.

Ситуация со своеобразием развития демократии также сыграла не последнюю роль. Не подтвержденная соответствующей политической культурой людей, она инициировала не только позитивные изменения, но и процессы социальной деформации и деградации, в том числе и в сфере науки, что наиболее

ярко проявилось в многочисленных рассуждениях о множественности реальностей, стремлении не познавать реальность, а активно ее воссоздавать «из себя и для себя», делая упор не на репродуктивной, а на продуктивной гносеологической функции. Наметившаяся тенденция утраты сознанием способности объективно отображать реальность далеко не безобидна. Так, много говорится о конструировании социальной реальности. Социальное конструирование, безусловно, необходимо, если не забывать о том, что сконструировать можно способы организации различных сфер социального пространства (экономического, политического, правового и пр.). Что касается самой реальности, то ее невозможно «делать», «подделывать», «конструировать» и прочее, она какая есть, такая есть. Как образно и по существу верно заметил поэт А. Дементьев, «времена не выбирают, в них живут и умирают». Попытки конструировать реальность – это своего рода социальная нарколепсия.

Системы бывают объективно существующими и созданными людьми. Конструируются, к примеру, экономические, политические системы с целью упорядочения разнообразных связей и отношений, в первом случае связанных с производством, распределением и потреблением материальных благ, во втором – с разделением властных полномочий. Однако при этом они должны быть выстроены с учетом объективной реальности, иначе это будут «карточные домики» – непрочные и неустойчивые, еще больше стимулирующие углубление дисфункций как в социальной системе в целом, так и в ее подсистемах. Неучет процессов, происходящих в объективной действительности, а также в сфере субъективной реальности, стремление «подогнать» реальность под какой-то идеал, какие-то цели (пусть даже возвышенные), какой-то проект приводят к социальному романтизму, имеющему далеко идущие последствия, нередко трагические. В этой связи становится понятным постмодернистское разочарование в социальных проектах Возрождения и Просвещения с их верой в прогресс и безграничность человеческих возможностей – призрачно все, а человечество с удивительной регулярностью оказывается перед грудой развалин (или под ними, что еще хуже) созданных им социальных конструкций (установлений, норм, правил, институтов). Казалось бы, прочная и устойчивая, как ледокол, социальная система с ее шумным населением, со всей ее историей в один «прекрасный» день вдруг исчезает, как облачко в небесной лазури. Отсюда акцентирование внимания на процессах разложения, разборки, рекомпозиции, реконструкции, деконструкции, аннигиляции построений социального характера.

Реальность может быть объективной и связанной с состоянием сознания, духовной жизни вообще. Есть старая реальность и реальность новая. Можно говорить о деформированной традиционной реальности, особенно во времена кризиса, представляющего собой состояние, при котором разрушается привычная система социальных связей и отношений; о насквозь фальшивой реальности (если опираться на какую-то систему координат); о пугающей реальности; о параллельной; о реальности, не укладывающейся в официальную линию, а также об альтернативной, контрреальности. Можно говорить о реальности виртуальной, созданной средствами компьютерной графики, и др.

Новая реальность (которая подчас принимается с большим трудом, тем более что она требует принципиально иных моделей мышления и поведенческих

стратегий) внесла существенные коррективы в традиционные социальные процессы и породила неизвестные прежде. Поэтому требуется не только нестандартный взгляд на существовавшие ранее социальные процессы, разительно изменившиеся в качественном и количественном отношениях, но и нестандартный подход к выявлению и изучению новых. И если в силу обремененности прежними гносеологическими стереотипами мы оказываемся неспособными такие процессы распознать, то это вовсе не означает, что их не существует. Поиск и анализ этих процессов, то есть того, чего никогда не теряли, – это исключительно сложная задача. Прежде чем обозначить некоторые из них, есть смысл предпринять краткий экскурс в область изучения социальных процессов вообще. Принято различать социальные процессы функционирования, заключающиеся в изменениях в пределах данного качества, и процессы развития, связанные с переходом из одного состояния в другое (революционные, радикальные, прогрессивные, регрессивные), а также стихийные и регулируемые процессы. Можно говорить также о явных и латентных социальных процессах, микроуровневых и макроуровневых. Реалии сегодняшней жизни потребовали внесения корректив в последнюю классификацию, в частности ее расширения за счет включения процессов мезоуровневого и, в связи с глобализацией, мегауровневого характера. Такая классификация более адекватна современному положению дел хотя бы потому, что подчас существуют разрывы между мегасоциальными, макросоциальными и региональными социальными процессами.

Появились и новые социальные процессы. Один из них – атомизация – характеризуется тем, что социальная материя, разрозненная, разодранная, разделенная, становится похожей на груды песка, в которой каждая песчинка сама по себе. Этот новый для отечественного социума процесс не подлежит однозначной оценке – положительной или отрицательной. В нем есть и то и другое. Представителям старших поколений с их установкой на то, что интересы и ценности общности должны, безусловно, доминировать над интересами личности (отдельного человека), этот процесс трудно понять, а тем более принять. Хотя сказать, что они целиком и полностью неправы, тоже нельзя. Человек – существо социальное, и, только будучи включенным в систему социальных отношений и связей, он может реализоваться. Индивидуалистическая ориентация в общем-то бесперспективна и неэффективна как в социальном, так и в личностном плане. Но если доминирование общности превращается в давление, прессинг, причем до такой степени, что подавляются активность, предприимчивость человека и он попадает во власть ориентации на пассивное ожидание помощи со стороны, ожидание того, что его увидят, заметят, оценят, то это есть не что иное, как культивирование социального иждивенчества с такими присущими ему чертами, как равнодушие, лицемерие, безответственность (чему так способствует анонимный коллективизм) и подавление установки активизма с имманентным ему достоинством и наличием персональной ответственности.

Однако если социальный процесс ведет к ситуации, когда каждый в отдельности хорош, а все вместе представляют массу конформистски ориентированных, беспомощных и испуганных людей, потерявших собственное «Я», у которых нет лидеров – пассионариев, то это признак духовной деградации. Это тревожный симптом тяжелой социальной болезни, при которой идет отчуждение

человека от человека и люди становятся ненужными, лишними, попутчиками, чужими по имущественным, национальным и прочим основаниям. Человек ведь тогда жив как личность, когда он сопротивляется обстоятельствам.

Противоречие между тенденцией к личностной автономизации и тенденцией к объективно необходимой социумной целостности и солидарности может быть разрешено по-разному. Один путь – социальный группизм [1, с. 113–116]. Успешность и высокое качество жизни находятся, как известно, в прямо пропорциональной зависимости от принадлежности к разного рода сообществам и структурам, включенности или невключенности в них. Однако если официально существующие структуры не дают людям возможности для самореализации, то группирование происходит вокруг «точек» криминально-коррупционной направленности. В состоянии аномии, при которой затруднительно удовлетворить жизненно важные потребности, реализовать свои интересы официально одобряемыми способами (потому что сама система ориентиров и координат также подвержена радикальным трансформациям и вообще не ясно, что социально одобряемое, а что нет), нередко идет группирование вокруг тех, кто является носителем традиционно не совсем одобряемого (в том числе и делинквентного), весьма своеобразного мышления и поведения, вокруг людей, не признающих никаких ограничений, активно сопротивляющихся обстоятельствам, агрессивных, имеющих «сети прикрытия» (в том числе и в официальных структурах), но успешных, тем более что их деятельность имеет тенденцию к легализации, а сами они деятельно стремятся (иногда небезуспешно) к овладению административным ресурсом. В результате возникает соблазн интегрирования в криминально-коррупционные схемы (в том числе и в силу нежелания быть белой вороной). Обоснование такого рода ориентиров происходит со ссылкой на известную поговорку «перемелется – мука будет» и сопровождается рассуждениями о том, что такое уже проходили другие страны, что рано или поздно такие объединения трансформируются, легализуются, отойдут от криминально-коррупционных методов действия и станут поборниками стабильности, порядка и законности.

Соблазн применять данный способ разрешения указанного противоречия подпитывается еще и распространенными в массовом сознании иждивенческими стереотипами, суть которых заключается в том, что многие работать с полной отдачей еще не могут, а мало зарабатывать уже не хотят, о чем говорит феномен наличия большого количества вакантных рабочих мест, заполнить которые можно только путем привлечения трудовых ресурсов из-за рубежа, а также появление такого нового явления, как лжебезработица.

Группизм как внутри какой-либо группы, так и за ее пределами позволяет сопротивляться давлению жизненных обстоятельств, угнетающих зависимостей (тем более что практически нет людей, которые легко бы переносили переход из одной эпохи в другую). В то же время, будучи своеобразным видом протеста против обстоятельств, группизм приводит к попаданию в систему еще больших зависимостей, атмосферу псевдоколлективизма (где правят бал не какие-то высокие соображения, а круговая порука). Человек фактически, образно говоря, продает душу «дьяволу», которого боится, но с которым проще и легче, так как более не нужно проявлять персональную ответственность.

Что касается социальных последствий данного процесса, то они связаны с усилением раздробленности социумного целого, замедлением формирования общественной солидарности (атрибутами которой являются взаимопомощь, поддержка, активное сочувствие, совместная ответственность), снижением возможностей осуществления согласованного, конвенционального социального действия в масштабах общества. В конечном счете этот процесс ведет к сжатию поля свободы людей, для которых социум становится не сообществом личностей, а сообществом попутчиков (как в поезде), механической совокупностью величин, стоящих над ними. А если учесть тот факт, что люди работают не только ради денег, не только из страха оказаться без средств к существованию, то нельзя не вспомнить о роли и значении в достижении органической солидарности в обществе идеологического фактора, который вряд ли стоит недооценивать, тем более что одна из важнейших его функций – интегративная. Одним словом, данный социальный процесс заслуживает большего внимания исследователей, чем то, которое уделяется ему сегодня.

Малоизученными являются также процессы социальной мобильности в современном их состоянии. На первый взгляд, утверждение парадоксально и вступает в противоречие с общепринятым и устоявшимся мнением относительно неплохой исследованности данного феномена. Действительно, введенное в научный оборот социологом П. Сорокиным понятие социальная *мобильность* присутствует во всех учебниках, словарях, на страницах научных статей и монографий, в публицистических материалах; дано его определение, проанализированы виды (мобильность единичная, групповая; вертикальная, горизонтальная; восходящая, нисходящая; межпоколенная; территориальная, «маятниковая»; образовательная; религиозная; социокультурная; экономическая; политическая; мобильность в сфере науки; спонсируемая, открытая, латентная; мобильность реальная; мобильность в сознании; мобильность мнимая и т. д.).

Более того, без понятия *социальная мобильность* не обходится ни одно исследование, посвященное постиндустриальному обществу. Высочайшая социальная мобильность здесь трактуется как одна из его сущностных характеристик. Действительно, низкая социальная мобильность – это характерная черта традиционных обществ, в которых человек был никто без общности (родовой, племенной), вне ее он не мог не только удовлетворить свои основные потребности, но и просто выжить (поэтому самым страшным наказанием было подвергнуться остракизму, стать изгоем). Совсем другая ситуация складывается сегодня, в условиях перехода российского общества к постиндустриальной стадии. Традиционная мобильность здесь «работает» не столько в позитивном, сколько в негативном ключе. В качестве примера можно назвать низкую социальную мобильность в сфере науки, ставку на свои, доморощенные кадры, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Или другой факт, неоднократно отмеченный в специальной литературе, – избыточность рабочей силы в одном месте и нехватка ее в других регионах. Фиксация этого факта вовсе не означает призыва к «перевосходу», «пересадке» людей из одного региона в другой (хотя и такие предложения звучат со ссылкой на опыт США). Подобного рода практика может иметь далеко идущие последствия. Менталитет россиян таков, что они привязаны к своим корням. Опирайтесь на опыт США в данном случае некорректно,

так как там стимулировать, интенсифицировать процессы социальной мобильности было проще в силу того, что у большинства американцев малая родина находится далеко за пределами Нового Света. Однако что-то предпринимать необходимо. Сегодня стало ясно, что успешность общественной модернизации связана в том числе и с фактором мобильности, низкий уровень которой не способствует инновационному обновлению установок, касающихся мироустройства, а также технологических, организационных и прочих подходов. Это один аспект, связанный с процессами социальной мобильности. Есть и другой, касающийся последствий социальной мобильности в мегауровневом масштабе. Сколько-нибудь основательно не изучены последствия социальной мобильности, которая чем-то напоминает великое переселение народов. А между тем «звонки» уже звенят, круги расходятся по всему миру. Похоже, что потенциал многих стран, которые еще несколько лет назад были способны безболезненно «переварить» инокультурных мигрантов, исчерпывается. Ясно и то, что без привлечения рабочей силы со стороны многим странам просто не обойтись. Какие меры следует принять, чтобы эти два социальных процесса, связанные с мобильностью и имеющие противоположные векторы, как-то согласовались? Осознание данной проблемы есть, но весь парадокс ситуации заключается в том, что фактические шаги в этом направлении чем-то напоминают действия человека, подпиливающего ту ветку, на которой он сам сидит. В итоге социальная напряженность, связанная с нежеланием приезжих «играть по правилам» страны, в которую они переселились, и даже стремление подчинить своим нормам и правилам жизни автохтонное население, постоянный прессинг в отношении него (представители коренного населения, боясь прослыть нетолерантными, подчас настолько терпимы, что для них возникает реальная опасность «потерять свое лицо», а в перспективе не только его). Если учесть наличие у приезжих разветвленных сетей поддержки, то такой вариант развития событий вполне вероятен, тем более что эти процессы пытаются взять под свой контроль те, кто претендует на мировое господство.

Еще один момент, требующий учета, – это различные временные характеристики процессов: скоротечность, мгновенность, молниеносность, кратковременность, затянутость и пр. Неслучайно исследователь П. Штомпка подчеркивает необходимость интегрирования времени в социальную теорию [2, с. 67–85].

Так, затянувшиеся социальные процессы (конфликты или выход из кризиса) мучительно переносятся людьми (нередко вызывая затяжные депрессии). Соответственно, всегда есть стремление ускорить их протекание. Однако если предпринять такого рода действия без учета реального положения дел, то это чревато негативными последствиями. Соответственно, практически важным является вопрос о вероятностной оценке временных рамок социальных процессов. Без этого значимость различных гипотетических сценариев может оказаться ничтожной. В этом плане требуется прежде всего осознание временных качеств социальных процессов, оценка их интервалов (ритмических или хаотично чередующихся). Основанные на взвешенной оценке временных параметров социальных изменений действия не вступают в противоречие с объективной логикой общественного развития и с интересами социальных исполнителей реформ. Успешность же реализации интересов субъектов социального действия – краткосрочных,

среднесрочных, долгосрочных – во многом зависит от степени осознания собственных интересов (которая может быть высокой, средней, низкой и практически нулевой) и соотношения способов и методов их реализации с временными характеристиками того или иного социального процесса. Есть смысл в этой связи различать социально ожидаемые временные длительности и реально возможные временные длительности. Расхождение в оценке этих длительностей способно привести к лихорадочности действий субъектов социальной активности, или, наоборот, к необоснованному затягиванию решения назревших социальных проблем. В последнем случае временной ресурс, не используемый должным образом, может породить цейтнот при решении социальных проблем или, что еще хуже, спровоцировать включение деструктивных программ. Иными словами, временной фактор никогда не является нейтральным по отношению к социальным процессам (к трансформации, модернизации, например). Он находится в прямо пропорциональной зависимости от социокультурных особенностей того или иного социума. Соответственно, рассмотрение скоротечных, взрывных (революций) и затянувшихся социальных процессов (реформирования, например) требует изучения сложной проблематики социального времени.

Таким образом, в современном российском обществе протекают самые разнообразные социальные процессы. Сами по себе они не плохи и не хороши (такие оценки некорректны). Эти процессы многочисленны, многообразны, неоднозначны, противоречивы, в них много неопределенности, и они требуют к себе более пристального внимания со стороны исследователей.

Summary

V.K. Paderin. On the Problem of Studying New Social Processes in the Russian Society.

The article is devoted to the new social processes occurring in the Russian society. Social changes as well as their peculiarities and consequences are analysed. Possible approaches to the study of multiple and contradictory social changes are defined, which is important because an adequate understanding of their essence, to a large extent, determines success of social modernization.

Key words: reality, social space, atomization, groupism, social solidarity, social mobility, time measurement of social processes, socially expected time lengths, really possible time extents.

Литература

1. *Ашин Г.К.* Доктрина «массового общества». – М.: Политиздат, 1971. – 191 с.
2. *Штомпка П.* Социология социальных изменений. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 415 с.

Поступила в редакцию
28.09.10

Падерин Валерий Константинович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Казанского государственного архитектурно-строительного университета.

E-mail: paderin-valerii@mail.ru